Моро Ж.

27/IV 88

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва
27 АПР 1988

О странностях гастролей

Двойное эхо

«Я ЕГО так люби-ила...» — шепчет Церлина по-французски, прижимая руки к груди. «...Би-ила...» — догоняет ее эхо из кабинки переводчика. «Би-ила... би-ила... би-ила...» — несется со всех сторон. Наушники испорчены? Зритель не научен пользоваться ими?

В Москве с большим успехом прошел первый Международный фестиваль моноспектаклей.

— Эй, вы там, закройте поплотней вашу дверь!

— Сосед, прикрутите наушники, прямо репродуктор какой-то!

Организованный Союзом театральных деятелей СССР и Советским центром Международного института театра, фестиваль станет отныне традиционным.

— Из-за технической необеспеченности перевода считаю свой первый спектакль по сути сорванным. Я была на грани нервного стресса, полтора часа соревнуясь с двойным эхом в зале. Вот почему в двух следующих спектаклях от перевода пришлось отказаться.

Вершиной только что окончившегося фестиваля признан «Рассказ служанки Церлины» в постановке западногерманского режиссера Клауса Грюбера в исполнении выдающейся французской актрисы Жанны Моро. Мы встретились с ней после третьего, заключительного спектакля в Москве. У нее было сияющее от счастья лицо:

— Вот ради такой встречи со зрителями я и хотела приехать в Москву. Еще в Париже я решила дать один спектакль по приглашениям, со свободным входом для всех коллег — московских актеров, студентов театральных училищ. Мне очень хотелось сделать что-то хорошее... в духе вашей перестройки. И зритель это оценил.

— Вас не огорчило, что из-за отсутствия перевода на этом спектакле кое-какие зрители из зала ушли?

— Игра настоящего актера не нуждается в переводе. И все же одно не исключает другое: конечно, лучше с переводом, чем без.

Моноспектакль «Рассказ служанки Церлины» уже увидели зрители пяти стран, скоро увидят зрители еще десяти. Столько контрактов уже на руках у администратора труппы Эрве Бонасса. Извлеченный из романа австрийского писателя Германа Брока «Невиновные» монолог служанки стал самой «экспортной» пьесой парижского театрального сезона.

— И знаете почему? — спросил меня художник спектакля Франсис Бираз. — Перед вами вроде бы безыскусный рассказ служанки о ее любовных приключениях. А на самом деле спектакль воссоздает нравственно-психологическую атмосферу в Австрии накануне аншлюса. Зрители, пусть безотчетно для себя, нутром чувством улавливают этот фон. Вот в чем сила пьесы, я уж не говорю о мастерстве исполнения.

Итак, три вечера во МХАТе. Успех, какой успех! И чего уж там разбираться в нюансах! Однако не только мы по праву хозяев встречаем и оцениваем гостей: их право — оценивать нас. В первый вечер среди поднесенных Жанне Моро цветов она заметила искусственные розы парижского происхождения. На следующий раз их было меньше, но — были. После заключительного спектакля на глаза актрисе попалось всего две...

А я, я понимаю администратора! Ведь что напечатано на оборотах наших театральных билетов? «Запрещается проносить в зрительный зал сумки и цветы...»

И цветы!

Какой импресарио, успевший вникнуть в тонкости нашего театрального права, не прихватит с собой из-за границы букет искусственных роз многоразового использования?

Однако, к нашей с вами чести, все три спектакля Жанны Моро в Москве и два спектакля в Ленинграде прошли при огромном наплыве нарушителей, прихвативших в театр живые цветы.

Александр САБОВ